

К ВОПРОСУ О МАТЕРИАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ И ИСТОЧНИКАХ ДОХОДА ДВОРЯН, ПРОЖИВАЮЩИХ В ГОРОДАХ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Н.М. Медведева (Псков, Россия)

В Псковской губернии располагались восемь городов: губернский Псков и уездные: Великие Луки, Остров, Опочка, Порхов, Новоржев, Торопец и Холм. Также, как по всей Российской империи, в 1860-1890-е гг. здесь шел процесс увеличения численности городского населения: если в 1857 г. оно составляло 43,5 тысяч человек, то в 1897 г. – 72,5 тысячи. Несмотря на это, доля городского населения оставалась мала (6,5%). Численность представителей самого привилегированного по своим правам сословия, дворянства, проживающего в городах, также выросла в этот период с 2471 до 6174 человек, причем в большей степени благодаря потомственному (табл.) [9].

Таблица

сословия	Города		Уезды без городов	
	1857 г.	1897 г.	1857 г.	1897 г.
Дворянство потомственное и личное	2471	6174	2751	3216
Дворянство потомственное	686	3691	2567	2590
Дворянство личное и чиновничество	1785	2934	184	736

Дворянское сословие Российской империи было неоднородно по своему составу. Кроме групп потомственного и личного дворянства, которые имели различный социальный статус, существовали шесть разрядов потомственного дворянства, отличающиеся способами и давностью его приобретения [10]. Однако не это было причиной имущественной дифференциации внутри дворянского сословия. Наряду с землевладельческим дворянством во второй половине XIX в. существовали другие его категории [12, С. 8-12, 44-45]. Городское дворянство, владевшее собственностью в городах, было занято на службе, в том числе городской и профессиональной, жило доходами от имущества и капиталов, поэтому внутреннее имущественное неравенство было для него типичным явлением. Служилое дворянство, не владевшее недвижимым имуществом, представляло собой категорию, полностью зависящую от жалования. Существовали также дворяне, сохранившие свое звание, но не имевшие земли и службы, вынужденные работать наравне с непривилегированными сословиями, или жить за счет пособий и помощи от благотворительных обществ.

Основой материального благосостояния дворянства являлось землевладение, государственная служба и другие источники дохода. Рубежом, от которого отсчитывалось новое время для российского дворянства, стал год 1861, после которого его экономическое состояние начало ослабевать. Обеднение было связано с упадком дворянского землевладения. В первую очередь это должно было коснуться мелкопоместного дворянства. В Европейской России по сведениям на 1877-1878 гг. мелкопоместных дворян, владеющих имениями площадью менее чем 100 десятин, насчитывалось 47,5% от общей численности дворян-землевладельцев. Обладатели владениями размером от 100 до 500 десятин земли составляли 12%. В Европейской России большую часть землевладельцев дворянского сословия составляли мелкопоместные владельцы [7, с. 258].

Псковская губерния входила в Приозерную область, которая наряду с лесной частью Центральной России обладала показателями по численности дворян-землевладельцев, близкими к усредненным. В указанные годы из общей численности дворян-землевладельцев – 2190 человек – владели имениями площадью от 100 до 500 десятин 852 человека (39%). Однако, губерния не являлась среднепоместной по доходности земель, так как ее качество и климатическое расположение не позволяют сделать такие выводы.

Рассмотрев сведения о количестве земли потомственных дворян Псковского уезда в 1865 г., разделив их на категории мелкопоместных (до 500 десятин), среднепоместных (от 500 до 1000 десятин) и крупнопоместных, владевших более чем 1000 десятин земли, получаем следующие выводы. Из 182 дворян-землевладельцев, мелкопоместные дворяне составляли численное большинство (116 человек, 68%), но владели только 21% земель. Средний размер имений в категории владельцев до 100 десятин земли составлял только 48 десятин, а в категории от 100 до 500 десятин – 272 десятины [3, л. 5-15]. В эти группы входили совсем небольшие владения, например, коллежского советника А.И. Крюковича в 12 десятин и жены коллежского асессора Е.И. Мягковой в 14 десятин земли [3, л. 8, 10].

Более крупные владельцы, имения которых находились в пределах 500 – 1000 десятин земли, составляли 15% численности дворян-землевладельцев и обладали 17% земель. Среднее имение этой категории владельцев составляло 715 десятин. Примерно равную долю по численности представляли собой крупнопоместные дворяне – 27 человек, то есть 16% землевладельцев уезда, они были собственниками более чем половины дворянской земли. Средние имения здесь составляли около 2000 десятин. Среди крупнопоместных дворян Псковского уезда значились титулярный советник А.А. Валуев (3643 дес.), княжна О.М. Дондукова-Корсакова (1329 дес.), действительный статский советник Ф.В. Шаховской (1422 дес.) и генерал от артиллерии, барон Н.В. Медем (2041 дес.).

Одним из крупных помещиков был действительный статский советник барон Александр Борисович Фон-Фитингоф-Шель, он занимал должность губернского предводителя дворянства. Его имение составляло 9427 десятин 2220 сажень. К 1865 г. от него в пользу крестьян поступило 2816 десятин земли. По данным на 1877 г. барону принадлежало только 1027 десятин 402 сажени земли в Псковском уезде [3, л. 13, 23].

Из 182 дворян-землевладельцев Псковского уезда уже к 1865 году у 13 не осталось собственной земли, которая поступила во владение крестьян (853 дес.). Через двенадцать лет, к 1877 году, еще 66 дворян и их наследники лишились своих имений. Из них только двое – отставной поручик И.В. Алексеев и жена надворного советника Е. Виноградова – имели дома в городе Пскове стоимостью 2000 и 600 рублей соответственно. Перераспределение земельной собственности было одним из явлений пореформенного периода. Дворянство Псковской губернии к 1877 г., через 17 лет после отмены крепостного права, сохранило за собой только 66,5% дореформенных земель. Это было немного больше, чем в соседней Новгородской губернии (63,8%), но меньше, чем в Санкт-Петербургской (76,2%) [7, с. 267].

Данные поземельного обследования за 1887 г. показывают, что только за десятилетие, прошедшее с 1877 г. доля частного дворянского землевладения снизилась с 66,5 до 51,6 %. Дворянство теряло земли в пользу других сословий – купцов и мещан, в большей степени – крестьян. Средний размер дворянских владений уменьшился с 556 до 472 десятин, однако, по сравнению с землевладельцами других сословий эти показатели оставались наибольшими [6, с. 12-13]. В числе причин подобного положения современники выделяли временную панику и неподготовленность части земельных собственников к новым условиям хозяйствования, а также постоянное разделение имений между наследниками и непрестижность занятия хозяйством для молодого поколения дворян [7, с. 272-275]. Действительно, из причин, которые вели к обеднению дворянства в новых правовых и экономических условиях, не следует исключать этический фактор, то есть восприятие представителями дворянского сословия предпринимательства, приносящего доход: "Деятельность по винным откупам считалась в то время несовместной с дворянским достоинством, и дворянин, бывший откупщиком, имел мало шансов на избрание его в какую-либо почетную должность" [11, с. 26].

Таким образом, экономические позиции дворянства в уездах повлияли на переселение части его представителей в города. "Будучи все еще передовым сословием по своей образованности, оно (*дворянство*) бросилось из деревни в города, и главным своим занятием поставило государственную службу" [11, с. 55]. Уже в начале 1860-х гг., то есть непосредственно после отмены крепостного права, численность дворян в городах Псковской губернии увеличилась более чем в полтора раза, в основном за счет потомственных дворян.

Несмотря на трудности, с которыми столкнулись дворяне в пореформенный период, многие из них имели средства для обеспечения своих семейств в уездах. Примером этого было устройство торгово-промышленных заведений. В Новоржевском уезде на 1874 г. числилось 15 фабрик и заводов, в том числе действительному статскому советнику Леониду Алексеевичу Львову принадлежали два винокуренных, пивомедоваренный и водочный заводы, оптовый склад вина и два питейных заведения, а один из его винокуренных заводов в селе Алтун оценивался на 1880 г. в 3000 руб. В то же время, винокуренный завод статского советника Ивана Карловича Фон-Мейера в селе Бардово того же уезда стоил 7000 руб. [2, л. 46; 4, л. 11].

Содержание промышленно-торговых заведений не было редкостью для псковского дворянства второй половины XIX в. В Великолукском уезде таких дворян и дворянок насчитывалось около пятидесяти человек. Интересны виды предприятий, приносящих дворянам доходы, среди них значились: 37 питейных заведений, которые вместе с мелочными лавками при них оценивались в 19813 руб.; 6 винокуренных заводов ценностью 23210 руб., принадлежащих Е.С. и А.И. Семевским, А.П. Корвин-Круковскому, А.И. Мармылеву и И.Н. Валуевой; 14 водяных и ветряных мельниц, ценностью 5897 руб.; три синильных заведения, принадлежащих Г.П. и А.И. Кастюриным, ценность которых со складом составляла 2635 руб. [4, лл. 6, 8].

Часть дворян губерний владела недвижимостью как в уезде, так и в городе. Совмещая различные источники дохода, дворяне имели больше возможностей обеспечения своих семейств. Так, в 1877 г. из 190 дворян, имеющих земли в Псковском уезде, владели домами в городе Пскове 29 дворян. Они составляли четверть дворян, имевших недвижимость в губернском центре. Некоторым из них дома приносили немалый доход. Например, городская недвижимость помещика П.А. Кругликова, имевшего 380 дес. земли в уезде, оценивалась в 18000 руб. и приносила владельцу 720 руб. дохода.

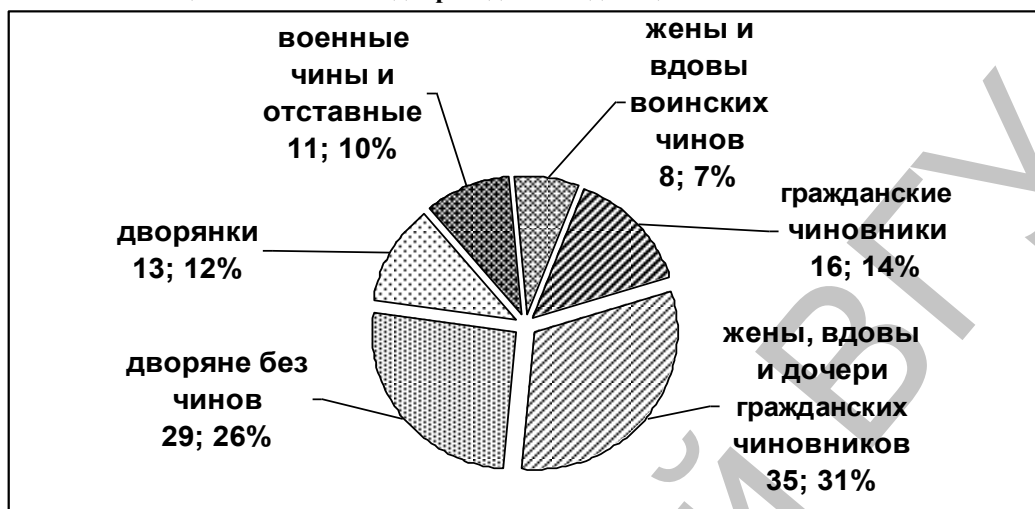
Всем 112 псковским дворянам-домовладельцам принадлежала недвижимость общей стоимостью 262450 руб., которая приносила ежегодный доход 9484 руб. Дворянки и дворяне владели равным количеством домов в Пскове, их социальный состав представлен в диаграмме [3, лл. 16-32].

Семьи военных чинов владели в Пскове 19 домами. Среди них были и малообеспеченные дворяне, и высокие чины с хорошим достатком. Например, дом стоимостью 600 руб. дочери поручика Екатерины Лошаковой приносил ей 24 руб. дохода. Другим примером являлись дома высоких воинских чинов: генерал-майора Николая Николаевича Вохина, недвижимость которого стоила 4000 руб. и приносила 160 руб. дохода, полковника Василия Андреевича Дерюгина (5500 и 220 руб.) и гвардии полковника Модеста Дмитриевича Карамышева (2000 руб. и 8 руб. 40 коп.). Как видно, доходность домов не всегда соответ-

ствовала их стоимости, что говорит о существовании в среде дворянства как неодинаковой возможности для получения доходов, так и различных потребностях при сходных условиях.

Диаграмма

Социальный состав дворян-домовладельцев г. Пскова в 1877 г.

Владение собственностью в городе было типичным явлением, в том числе, и для дворян, не имеющих чинов. В Пскове таких дворян было 42 человека, мужчины среди них составляли большинство. Среди них были как более состоятельные, например, В.И. Подашевский, дом которого, оцененный в 3000 руб., приносил 120 руб. дохода, так и менее обеспеченные дворяне, такие как Н.В. Глаголев, имеющих дом стоимостью 200 руб., приносящий 8 руб. дохода. Тем не менее, дворян, владевших городской недвижимостью, есть основание причислять в некоторой степени к состоятельным гражданам, имеющим возможность себя обеспечить.

Большой долей домов в Пскове (47%), среди дворян, владели чиновники гражданского ведомства, причем женские владения в этой категории превосходили мужские по численности. Среди них значились вдова надворного советника Жозефина Клементьевна Раковская (3000 руб. стоимость недвижимости и 120 руб. доход) и титулярная советница Ольга Львовна Пехотинская (230 руб. и 9 руб. 60 коп.), надворный советник Оттон Гиргенсон (3000 и 120 руб.) и коллежский асессор Густав Иванович Зоргенфрей (2000 и 180 руб.).

Вопрос о службе для дворян решался в пореформенный период неоднозначно. С одной стороны, оно "до реформ шестидесятых годов выносило ... на своих плечах всю уездную и общественную, а отчасти и губернскую службу" [11, с. 27] и оставалось естественным источником пополнения административных кадров, а с другой стороны, с расширением возможности получения образования и допуска других сословий в эту сферу деятельности, дворянство теряло монополию управленческого сословия. "Дворянство, когда-то уклонявшееся от службы, к концу века нищая и разоряясь, возвращается на казенные хлеба" [13, с. 125]. Одним из примеров теснения дворянства в службе по управлению и суду, был приток на нее лиц других сословий, тогда как в дореформенное время она была прерогативой дворянства. Однако, начиная с IX гражданского чина (титулярного советника) государственные служащие приобретали личное, а с IV чина (действительного статского советника) потомственное дворянство, становясь, таким образом, частью этого сословия. Высшие чины занимали либо дворяне по рождению, либо дослужившиеся до него выходцы из других сословий, поэтому любую должность с высоким жалованием занимал дворянин.

В Псковской губернии на 1874 г. среди 602 государственных служащих, занимавших классные должности с содержанием от правительства, 396 человек принадлежали дворянскому сословию: 312 – потомственному и 84 – личному [8, с. 164-165]. То есть дворяне составляли более половины гражданских служащих (66%). Наиболее многочисленными в губернии являлись должности IX и VIII классов – титулярного советника и коллежского асессора.

Несмотря на то, что службу считали "особой формой социального обеспечения, пожизненной рентой, на которую дает право школьный диплом" [13, с. 125], некоторые чиновники имели также торговые предприятия и различного рода заведения, такие как фотография титулярного советника Антона Гавриловича Виткевича, которую он открыл в Порхове на основании полученного билета второй гильдии [1, лл. 33об., 34].

Если службу и можно считать надежным и постоянным источником обеспечения, то с потерей кормильца дворянское семейство вполне могло впасть в нищету. В этом случае потомственное дворянство

имело возможность получить поддержку своего сословия. Однако, "в виду недостаточности средств" на эту помощь не всегда можно было рассчитывать. Например, со смертью в 1897 г. надворного советника Алексея Ивановича Беляева, который имел 25-летний стаж гражданской службы, занимал должности письмоводителя Торопецкой дворянской опеки и канцелярии Торопецкого предводителя дворянства, три его престарелые сестры остались без средств к существованию. Торопецкое уездное дворянское собрание ходатайствовало перед губернским собранием о предоставлении им ежегодного пособия, но прошение было отклонено по вышеназванной причине [5, лл. 143-145].

Оставление дворянских вдов "в крайней бедности и болезненном состоянии" без помощи и пособия со стороны дворянской организации было не редким явлением. Одним из поводов отклонения их прошений было отсутствие записи о них в дворянской родословной книге [5, лл. 129-140]. Некоторые дворяне в пореформенный период доходили до крайней степени нужды, не имея ни собственности, ни источников к существованию.

В пореформенный период дворяне, проживающие в городах Псковской губернии, имели различные источники дохода: земли в уездах, различные торгово-промышленные заведения, недвижимую городскую собственность, содержание от должностей. В это время стало очевидным имущественное расслоение дворянства – наряду с крупно и среднепоместными дворянами, имевшими торгово-промышленные предприятия и недвижимость в городах, существовал широкий слой чиновников средних и нижних классов, семьи которых стояли на грани бедности в случае смерти кормильца.

1. Государственный архив Псковской области (Далее: ГАПО). Ф. 205. Оп. 1. Д. 10.
2. ГАПО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 867.
3. ГАПО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 895.
4. ГАПО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 913.
5. ГАПО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 945.
6. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года. Вып. XXXIV. Псковская губерния. СПб., 1893.
7. Дворянство в России. Исторический и общественный очерк / Ш. // Вестник Европы. 1887. Т. 124. Книга 3.
8. Памятная книжка Псковской губернии на 1876 год / Под ред. И.И. Василева. Псков, 1876.
9. Подсчитано по: Памятная книжка на 1858 год. Псков, 1858. С. 32-39; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 34. Псковская губерния. Санкт-Петербург. Центральный Статистический комитет. Тетрадь 1. 1902. С. 1, 8-11.
10. Свод законов Российской империи. Т. IX. Законы о состояниях. СПб.: Тип. Второго Отд. СЕИВК, 1876. Ст. 16, 17.
11. Семенов, Н.П. Наше дворянство. СПб., 1899.
12. Современные дворянские вопросы. СПб., 1897.
13. Шепелев, Л.Е. Чиновный мир России XVIII - начала XX в. СПб., 2001.

ВКЛАД ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВОСТОЧНОЙ УКРАИНЫ (XIX – НАЧАЛО XX В.)

О.Г. Павлова (Харьков, Украина)

История становления и развития художественного образования в XIX – начале XX веков на украинских землях Российской империи связана со становлением университетского образования. Анализируя роль классических университетов в формировании традиции художественного образования, мы можем рассмотреть опыт формирования художественной культуры на материалах Харьковского университета.

Следует отметить, что период XIX – начало XX веков, активно изучался современными исследователями. Необходимо указать на работы таких исследователей, как Л. Д. Соколюк [12], А. С. Пивненко [10], С. И. Побожия [11], Н. Аверьянова [1] и др.

Однако, эти изыскания ещё не были обобщены и больше касаются искусствоведческого направления в системе университетского образования. Что касается начального этапа деятельности университета, то становление художественно-искусствоведческого направления в нём, в первую очередь было вызвано потребностью студентов в эстетическом образовании. Именно это побудило В. Н. Каразина (1773–1842), инициатора открытия классического университета в столице Слободской Украины – городе Харькове, предпринять меры по обеспечению такого рода занятий путём приобретения коллекции Ф. Аделунга (1768–1843). К тому же, проблемам художественного образования отводилась определенная часть в формировании учебных программ и структуры университетов, что отразилось как в уставных документах, так и в организации их практической деятельности.

При обсуждении перспектив развития высшего образования, и в частности Харьковского университета, речь шла не только об организации кафедры и введении специальных курсов по истории искусств, но и открытии при университете академии искусств [3, с. 8]. Учитывая, что искусствоведение в отечественном научном знании было недостаточно развито, университет не имел реальной возможности в первые годы существования реализовать задачу организации художественно-искусствоведческого образования, а соответственно открыть специальную кафедру, ввести в учебный процесс соответствующие курсы и программы, создать необходимую учебную базу, а также обеспечить реализацию художественно-искусствоведческого направления в культурно-образовательной деятельности преподавателей.